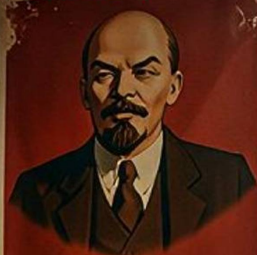

Дара Вейн

революция
Самиздат

**«Человек, который
перешел мир»**

Дара Вейн «Человек, который перешел мир»

<https://litres.ru/74484722>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семнадцатилетний Володя Ульянов теряет брата — повешенного за покушение на царя. С этого дня он выбирает не бомбу, а систему: ссылки, эмиграция, подпольная газета, партия. Шушенское — сибирская «Италия», где ссыльный охотится на зайцев и руководит революцией из деревенской глухомани. Семнадцать лет по Европе, Инесса Арманд — женщина, спорившая с Марксом, треугольник с Крупской. Пломбированный вагон, Октябрь, красный террор — Ленин последователен до жестокости: жизнь конечна, идея — бесконечна. Последние годы — инсульты, молчание, предупреждение о Сталине. Один брат — в братской могиле. Другой — в мавзолее. Два пути, оба — символы.

Дара Вейн

«Человек, который перешел мир»

Часть первая. Виселица (1887)

Глава 1. Брат

Владимиру Ульянову было семнадцать, когда его брата повесили.

Александр — двадцать один. Старший. Первенец. Надежда семьи, золотая медаль Петербургского университета, блестящее будущее химика-биолога. Александр Ульянов был тем, о ком говорят «надёжный» — тихий, упорный, с тёмными глазами и привычкой молчать, когда другие кричали.

Владимир — Володя — был другим. Шумный, резкий, быстрый. Любил шахматы, любил спорить, любил побеждать. Когда Александру говорили: «Ты — гордость семьи», Володе говорили: «Не мешай старшему». Он не мешал. Он наблюдал.

Первого марта 1887 года Александр и его товарищи планировали убить царя Александра III. Бомбы — три штуки, самодельный динамит, купленный на деньги от продажи золотой медали. Покушение провалилось: охранка знала всё заранее, пятнадцать человек арестовали. Александра — то-

же.

Владимир узнал в Симбирске, от матери. Мария Александровна приехала из Петербурга — серая, постаревшая на десять лет за десять дней. Села на стул, посмотрела на Володю и сказала:

— Сашу повесят.

Володя стоял у окна. За окном — Симбирск, Волга, мартовский лёд. Мир, в котором час назад всё было понятно, треснул.

— Когда?

— Восьмого мая.

— Можно помочь?

— Нет. Я просила. Царя просила. Он — отказал.

Мария Александровна рассказала: Александр написал прошение о помиловании — не раскаиваясь, только ради матери. «Во имя моей матери и малолетних братьев и сестёр, — написал он, — я решаюсь просить Ваше Величество о замене мне смертной казни каким-либо иным наказанием». Царь оставил просьбу без ответа.

— Он не раскаялся, — сказала мать. — Ни слова. Даже в прощении.

— А должен был?

— Если хотел жить — да.

— Тогда он не хотел жить.

— Он хотел умереть, Володя. Не как Саша — как Александр. Как революционер. Мёртвый революционер — это ар-

гумент. Живой — нет.

Владимир молчал. Думал: вот формула, которую Саша не понял. Мёртвый — аргумент. Живой — нет. Если так, то нужно жить. Жить — и стать аргументом, не умирая.

Восьмого мая 1887 года Александра Ульянова повесили в Шлиссельбургской крепости. Четыре часа утра. Три виселицы — на пятерых. Александр и Шевырёв ждали, пока вешали троих товарищей, — полчаса на глазах у висящих тел.

Владимир в это время спал. Потом — не спал никогда: с того дня бессонница стала его спутницей, верной, как тень.

— Мы пойдём другим путём, — сказал он.

Эту фразу потом повторят тысячи раз, напишут на плакатах, высекут на камне. Но тогда, в Симбирске, в комнате с видом на Волгу, семнадцатилетний мальчик сказал её тихо, без пафоса, как говорят: «Завтра будет дождь». Не клятва — констатация. Брат выбрал бомбу. Владимир выберет систему. Брат хотел убить царя. Владимир захочет уничтожить царство.

Глава 2. После казни

Семья Ульяновых стала — прокажённой.

Друзья отвернулись. Соседи перестали здороваться. Симбирское общество, которое ещё вчера уважало инспектора народных училищ Илью Николаевича Ульянова (он умер в 1886-м, за год до казни сына), теперь шепталось: «Семья террориста».

— Володя, тебе нельзя в Петербург, — сказала мать. —

Поступай в Казань.

— Почему в Казань?

— Там — университет. И — далеко от Петербурга. И — близко к дому.

— Далеко от Петербурга — это близко к чему?

— К спокойствию.

— Мне не нужно спокойствие.

— Тебе нужно — образование. Саша был химиком. Ты будешь юристом. Закон — это оружие. Пуля — одно убийство. Закон — система.

Владимир посмотрел на мать. Мария Александровна — тонкая, седая, с руками, которые дрожали — была умнее, чем думали окружающие. Она потеряла мужа, потеряла сына, и теперь строила стратегию для второго сына, как полководец после поражения: не отступление — перегруппировка.

— Мам, ты хочешь, чтобы я был юристом?

— Я хочу, чтобы ты был жив. А юристом или революционером — выбирай сам. Но — живым.

Владимир поступил в Казанский университет. Осенью 1887 года. Продержался три месяца. В декабре — участие в студенческих беспорядках. Исключение. Первая ссылка — в Кокушкино, родовое имение, под надзор полиции.

Семнадцать лет. Первая ссылка. Первая — но не последняя.

Часть вторая. Шушенское (1897–1900)

Глава 3. Сибирская Италия

Двадцать шестого февраля 1897 года Владимир Ульянов выехал из Москвы в Сибирь.

После четырнадцати месяцев в одиночной камере дома предварительного заключения в Петербурге — арест за создание «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — его приговорили к трём годам ссылки в Восточную Сибирь, под гласный надзор полиции.

Путь занял месяц. Поезд — до Красноярска, потом паром по Енисею. Ульянов писал матери: «Окрестности Западно-Сибирской дороги поразительно однообразны: голая и глухая степь. Ни жилья, ни городов, очень редки деревни. Зато воздух степной чрезвычайно хорош: дышится легко. Мороз крепкий: больше 20°, но переносится он несравненно легче, чем в России».

Он попросил заменить иркутскую ссылку на Минусинский округ — «лучшие в этой местности и по превосходному климату, и по дешевизне жизни». Ему пошли навстречу — может, потому что он представил справку о слабом здоровье. Мартов — его товарищ, тоже ссыльный — не представил, и его отправили в Туруханский край, на север, в каторжные условия.

Восьмого мая 1897 года Ульянов прибыл в Шушенское — село в тысячу жителей, в шестистах верстах от железной дороги, на правом берегу Енисея. «Сибирская Италия» — так называли юг Минусинского округа за тёплый климат и плодородную землю.

Глава 4. Дом Зырянова

Ленин — его ещё звали Ульяновым — поселился в доме зажиточного крестьянина Аполлона Зырянова. Комната — четырнадцать метров, деревянная кровать, стол, четыре стула, полки для книг. За жильё и питание — восемь рублей в месяц, казённое пособие. Восьми рублей хватало: крестьяне получали за день работы двадцать копеек.

Зырянов был обязан следить за ссыльным — докладывать уряднику, не пускать далеко. Но Аполлон Данилович был мужиком практичным: ссыльный был тихий, читал книги, не буянил, ходил на охоту. Зачем осложнять?

— Барин, — сказал Зырянов в первый день. — Ты тут живи. Мне — не мешай. Я — тебе не помешаю.

— Я не барин. Я — политический ссыльный.

— У нас все политические — бары. Народ вон говорит: «Барин приехал».

— Я из Симбирска. Мой отец — инспектор училищ.

— Вот и барин. Не спорь с народом.

Ленин не спорил. Он снял комнату, расставил книги — посылки от матери приходили регулярно, десятками килограммов, — и сел писать.

Глава 5. Охота и книги

Шушенское было — не каторга. Это была — передышка.

Ленин охотился на зайцев и уток. Завёл щенка по кличке Пегас, потом — ирландского сеттера Дженни. Ходил на пашню с Зыряновым — на неделю, работал вместе с крестьяна-

ми. Катался на коньках. Купался в Енисее. Читал — запоем, без разбора: экономика, философия, статистика, аграрный вопрос.

Крестьяне уважали его — за образованность. Один даже спросил: «Научи, как царя по закону судить».

— Царя судить нельзя, — ответил Ленин. — Царя можно только свергнуть.

— А по закону?

— Закон — для царя, а не против царя. Чтобы судить царя, нужно сначала написать новый закон. А чтобы написать новый закон — нужно стать царём.

Крестьянин почесал затылок.

— Ты, барин, мудрёно говоришь.

— Это потому, что я мудрёно думаю. А нужно — просто. Простой закон: земля — тем, кто на ней работает. Вот и всё.

— И помещиков — куда?

— К земле. Пусть работают.

— Они не умеют.

— Научатся. Или — нет.

Крестьянин засмеялся. Ленин — тоже. Они стояли на пашне, два человека — один с сохой, другой с книгой, — и обсуждали, как устроить мир. Один — на земле, другой — в голове. Оба — неправильно. Но оба — искренне.

Глава 6. Надежда

В мае 1898 года в Шушенское приехала Надежда Крупская.

Она тоже была ссылкой — три года, Уфимская губерния. Но добились перевода в Шушенское, к Ульянову. Условие властей — венчание. Десятого июля 1898 года они обвенчались в Петропавловской церкви.

Крупская приехала с матерью — Елизаветой Васильев-ной. Три человека в комнате четырнадцать метров — тесно. Но Ленин был доволен. Впервые после казни брата — дово-лен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.